

Ростислав ГЛАДКИХ

г. Петрозаводск

Нам нужны пушки, Карл!

Чарльз Гаскойн – путь в Россию.
 Политический детектив

Карл (Чарльз) Гаскойн – это сейчас его имя известно многим. В его честь в Петрозаводске открыта мемориальная доска на том доме, где он жил (ул. Энгельса), названа улица в жилом квартале на бывшей площадке ОТЗ (а прежде – Александровского пушечно-литейного завода), написаны десятки статей о великом человеке, как называл его не менее великий генералиссимус Александр Суворов.

А в прошлом веке местные историки и краеведы как только ни называли его – и вором, и стяжателем, масоном, космополитом и даже английским шпионом.

А так ли это? – засомневался я и начал по крупицам собирать материалы о Гаскойне и его соратниках. Сделать это в те времена было трудно: всю информацию можно было получить только из открытых на то время источников – архивов и некоторых доступных читателям книг.

Но мне повезло: в 1990 году меня как старшего редактора Главной редакции информационных программ Карельского телевидения отправили на курсы Гостелерадио СССР в Москве. Два месяца я просидел в Централь-

ном государственном архиве древних актов (это помимо учебы на ТВ) и нашел там очень много интересных документов.

А потом я связался с доктором Роджером Бартлеттом, который у себя в Англии так же занимался темой «Шотландцы в России». Он прислал мне свою брошюру, из которой стало понятно – Карл Гаскойн и его команда просто выполняли условия контрактов, получая за это хорошие деньги. Как сейчас говорят: просто бизнес и ничего лишнего.

А как Гаскойн вообще попал в Россию, в Петрозаводск? Оказалось, что это был настоящий детектив с секретными переписками, обходными маневрами, конспирацией и прочими атрибутами, свойственными специальным операциям, проводимым под наблюдением высшего руководства страны. Итогом моих исследований на эту тему стала статья с названием «Приватное дело», которая была опубликована в 1990 году в сборнике «Краевед Карелии». Тогда в статье было много лишних деталей, поэтому данный материал сокращен без изменения его сути.

ПРИВАТНОЕ ДЕЛО

Практически весь XVIII век Россия находилась в состоянии войны с разными государствами. При этом у нашей страны не было надежных союзников. Более того, Россия, как и сейчас, находилась под санкциями некоторых стран, которые ограничивали нас в самых разных сферах, среди которых были торговля оружием и предоставление военных технологий.

Постоянные войны требовали оружия и многого другого. Александровский завод в Петрозаводске как раз и был построен для того, чтобы снабжать армию и флот всем необходимым, однако военные были недовольны качеством выпускаемых здесь пушек. Местная озерно-болотная руда была материалом капризным, поэтому и совладать с ней изготовителям военной продукции было непросто. Отсюда и многочисленные претензии к качеству, в первую очередь корабельных орудий.

Но решать вопрос было необходимо, поэтому тогдашнее руководство страны – и в первую очередь сама императрица Екатерина Вторая – задумалось о том, чтобы привлечь в Россию иностранных специалистов для изготовления пушек. Лучшие из них работали на Карронских заводах в Шотландии и Вульвиче. Но как пригласить мастеров из Великобритании, как уговорить их приехать в страну со своим оборудованием и передовыми технологиями, если именно эта страна была тогда главным инициатором санкций против России?

Английские законы прямо запрещали вывоз из страны сталеобрабатывающих машин, выезд специалистов, умеющих работать с ними, а уж тем более передачу технологий.

Но подобная «мелочь» никогда не останавливала русских. Екатерина поручила своему ближайшему советнику Александру Андреевичу Безбородко (а тот любил все английское) разработать тайный план по приглашению мастеров в страну любой ценой и в прямом смысле за любую цену. Тогда и прозвучало имя Чарльза Гаскойна – на тот момент директора и совладельца знаменитых на весь мир Карронских пушечных заводов.

Александр Безбородко был опытным дипломатом, искусным интриганом и просто умницей. И он понимал: чтобы не нарваться на международный скандал, действовать придется тайно, неофициально и к тому же с огромным риском. Поэтому для начала он предупредил российского посла в Лондоне – графа Семена Романовича Воронцова о предстоящей спецоперации, а затем определил непосредственного ее руководителя.

Им стал адмирал русского флота Самуил Карлович Грейг. Причины для поручения щекотливого дела именно ему были вескими. Во-первых, Грейг и Гаскойн были земляками – легче было договориться. Во-вторых, в Эдинбурге жили дети Грейга (что могло упростить задачу в плане появления там русских агентов).

Кроме того, адмирал Грейг был и сам очень заинтересован в снабжении русского флота качественными пушками.

И еще одно: оба были масонами – тут уж договориться о сделке было еще проще. Хотя известный английский историк, специалист по истории англо-русских связей Энтони Кросс в своем капитальном исследовании «На берегах Невы. Сюжеты о жизни и карьерах британцев в России XVIII века», неоднократно ссылаясь на мою статью, эту идею не поддержал. «Гладких неправдоподобно рассуждает о масонских связях между Грейгом и Гаскойном», – заключил он.

(Ладно – критику принял, хотя в Петрозаводске при Гаскойне существовали аж две масонские ложи. В одной из них состоял и Карл Карлович.)

Адмирал Грейг сразу же написал Гаскойну письмо с предложением переехать в Россию за хорошие деньги и на отличные условия жизни. Таких выгодных условий еще никому не предлагалось, и директор Карронской компании согласился.

К слову сказать, Карл Гаскойн тогда испытывал материальные трудности, его постоянно преследовали кредиторы, да и с компаньонами отношения совсем разладились. Работа в России могла бы помочь ему избежать финансовых и других проблем.

Грейг предупредил своего земляка о том, что сделка с ним должна быть тайной, неофициальной и строго засекреченной. Речь якобы шла о личных договоренностях между ними, и дело носило совершенно приватный, частный характер.

Но шила в мешке не утаишь – английские заводчики пронюхали о переговорах Гаскойна и решили помешать сделке, которая, по их мнению, могла нанести им серьезный финансовый удар. Дело дошло до суда, но переписка между Грейгом и Гаскойном была такова, что, как и оговаривалось заранее, носила совершенно частный, невинный характер. Гаскойн предъявил заводчикам и суду письма своего соотечественника, и суд первой инстанции он выиграл.

А дальше Гаскойн (видимо, не без консультаций) решил рискнуть и обратиться с просьбой уехать в Россию не к кому-нибудь, а к самому Уильяму Питту-младшему, премьер-министру Великобритании, который, мягко говоря, не сильно любил нашу страну.

В конце 1785 года Гаскойн приехал в Лондон и предъявил могущественному министру всю переписку с Грейгом. Тот не нашел в ней ничего «криминального» и дал добро на отъезд заводчика в Россию. Речь в переписке шла о литье не стальных, а бронзовых пушек – а это не противоречило законам Великобритании.

Возможно, Уильям Питт-младший учел и то, что предприниматели Великобритании – а это была главная сила империи, основной движитель развития экономики страны – были очень заинтересованы в продолжении торгового договора с Россией, который мог дать им выход на рынки не только России, но и Азии, Индии и других заморских территорий.

Таким образом, риск Гаскойна оправдался, и что, можно собираться в далекий путь?

Не тут-то было: господина Гербетт (между прочим, тесть Карла Гаскойна), Бултон и Бакстер – самые ярые преследователи заводчика – решили любой ценой доказать факт государственной измены Гаскойна. В самых высоких инстанциях они добились официального разрешения на задержку и перлюстрацию (незаконное прочтение) почты их противника, надеясь этим способом уличить последнего в криминальных действиях.

В Петербурге об этом уже догадывались: Грейг доложил Безбородко о возникших трудностях и предложил оказать Гаскойну официальную, хотя и секретную поддержку. Такую поддержку шотландскому заводчику мог оказать русский посол в Великобритании Семен Воронцов, заимевший к тому времени в Лондоне немало серьезных связей. Он, мудрый и осторожный политик, умел устраивать все «наилучшим образом» (об этом писали его друзья и сослуживцы).

Безбородко согласился, и в начале 1786 года Воронцов получил два письма – от самого Александра Андреевича и от Самуила Карловича с одной и той же просьбой – помочь Гаскойну.

Грейг писал Воронцову о том, что Гаскойн не имеет инструкций, у него начались проблемы с таможеней. Но чтобы передать заводчику инструкции, адмирал предложил послу сделать это окольным путем: передать пакет с письмами и инструкциями господину Диксону в Эдинбурге, у которого и жили дети адмирала Грейга.

«Ваш курьер, – писал Самуил Карлович, – может сказать в Эдинбурге, что он приехал, чтобы увидеть их, что снимет всякие подозрения о его настоящей миссии». А чтобы выполнить эту миссию, адмирал заметил, что «необходим честный и умный человек, умеющий осторожно себя вес-

ти, так как если он открыто вмешается в это дело, то может все испортить».

Вся сложность заключалась в том, что хотя Гаскойн формально уже был принят на русскую службу, но еще оставался подданным Британской короны. Случись что, и ему было бы несдобровать, поэтому Воронцов предупредил Безбородко: «Если что дурное с ним случится по поводу его предприятия, то на мою помощь не считал». Ну не мог официальный посол России открыто вмешиваться в столь щекотливую ситуацию!

А курьера или посредника в деле он нашел – им стал студент Михайло Степанов, обучавшийся на верфях в Шотландии теории и практике кораблестроения.

«Зная вашу скромность и благоразумие, – писал Воронцов Степанову в инструкции, – поручаю вам дело, которое непосредственно я по почте исполнять не могу. Извольте найти господина Армстронга, который гувернером при сыновьях адмирала Грейга в Эдинбурге находится, и сказать ему, чтобы он доставил вам свидание с Гаскойном, но таким образом, чтобы оно как будто случайно, где ни есть на гулянье, а не в присутствии посторонних людей случилось...»

Но как доставить письма и деньги (1500 фунтов стерлингов – огромная по тем временам сумма) в Эдинбург? Сам ведь не поедешь! И Воронцов, опять-таки, нашел верного человека – бывшего представителя русской дипмиссии в Лондоне Петра Каронацкого. Тот мог свободно, как частное лицо, не вызывая подозрений, поехать в Эдинбург и вручить Степанову все, что предназначалось для Гаскойна.

При этом, видимо, Семен Воронцов не слышком-то верил шотландскому заводчику. Он опасался, что тот возьмет деньги, но своего обещания не выполнит, поэтому в инструкции к Степанову (которую впоследствии надо было обязательно уничтожить) он просил студента взять у Гаскойна расписки.

Каронацкий приехал в Эдинбург в апреле 1786 года, но не кинулся сразу же разыскивать Степанова: осмотрелся, пообщался с живущими в столице Шотландии русскими и только потом встретился с ним, передал деньги и инструкции.

Степанов не подвел: он встретился с Гаскойном. «Я, – написал он в отчете Воронцову, – имел случай увидеть г. Гаскойна наедине и понемногу открыть ему волю вашего графского сиятельства». Для Степанова даже провели экскурсию по заводу, а затем, наедине, он пообедал с заводчиком в его доме. Все, что предписывалось в инструкции, было полностью выполнено, включая получения расписок и переправки их Воронцову.

Теперь уже ничто не удерживало Гаскойна в Англии: на купленном им корабле, с двенадцатью английскими мастерами, с нужными механизмами он в начале мая 1786 года отплыл в Россию, куда и прибыл (кстати, вместе с младшей дочерью Марией) уже 26 мая.

Все участники спецоперации наконец смогли вздохнуть свободно, но более всех радовался адмирал Грейг. «Это было поручение, – писал он Воронцову, – доставившее мне наибольшее беспокойство. Благодаренье богу, все завершилось счастливо. Г-н Гаскойн прибыл сюда 26 мая, а это человек, в котором мы более всего нуждаемся».

Но, как оказалось, радоваться было еще рано.

Дело в том, что Гаскойн не смог перевезти в Россию сразу все необходимое оборудование для литья пушек, а корабль с ним (по инициативе тех же противников Карла Карловича) задерживали на таможене в Эдинбурге. Безбородко настоятельно рекомендовал послу Воронцову вмешаться в ситуацию, но тот решительно отказался. Мотив был прежним: сделка была неофициальной и посол просто не мог действовать открыто.

Зато Воронцов посоветовал Грейгу обратиться к послу Великобритании в России Аллейну Фицджерберту, у которого «можно будет легко исходотайствовать позволение о выпуске оных машин и инструментов в Россию».

Так и получилось: все необходимые машины, оборудование, инструменты наконец-то прибыли в Кронштадт, а затем – в Петрозаводск. Уже в августе 1786 года Карл Гаскойн приступил к масштабной реорганизации Александровского пушеч-

но-литейного завода и затем начал выпуск современных пушек по «карронской методе»...

Карл Карлович Гаскойн очень много сделал для нашей страны. Его 20-летнее служение России очень ценилось и при Екатерине Второй, и при Павле Первом, и при Александре Первом (он получал правительственные награды и титулы). Александр Первый, кстати, после смерти Гаскойна за счет государственной казны погасил все долги выдающегося заводчика, сказав, что нет той цены, которой можно было бы оценить вклад Гаскойна в развитие промышленности России.

Карл Гаскойн, кроме того, основал город Луганск, поскольку по просьбе князя Потемкина ездил в сегодняшнюю Украину для изучения тамошних недр – в первую очередь, запасов угля. В Луганске, рядом с музеем, ему установлен памятник.

Похоронили Карла Карловича не в Санкт-Петербурге, где он скончался (точнее – в Колпино), и не на родине, а, по его завещанию, в Петрозаводске. За счет казны ему поставили памятник на так называемом «Немецком» кладбище рядом с нынешним Крестовоздвиженским собором на ул. «Правды».

В советские времена само кладбище, памятники снесли, и теперь на костях великого человека и его единоверцев стоят жилые дома, оборудована автостоянка.

Петрозаводск благодаря Гаскойну вполне мог занять побратимов: Фалькирк в Шотландии, Луганск на Украине. Но это уже зависит только от нынешних властей.

□

Ростислав Петрович ГЛАДКИХ

родился в 1959 году в Петрозаводске.

Учился на филфаке КГПИ.

С 1988 года редактор, старший редактор ГТРК «Карелия».

С 1995 года – в печатной прессе:

замредактора газеты «Петрозаводск»,

замредактора газеты «Карелия»,

редактор газеты «Комсомольская правда» в Карелии».

Создавал и издавал более десятка ведомственных газет.

Сейчас – редактор сайта «ЖКХ Карелии».

В журнале «Север» публикуется впервые.

